

Глазунов Николай Геннадьевич

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ**

В статье рассматривается вопрос о влиянии религиозного фактора на процесс социальных преобразований в России. Обосновывается тезис о том, что прерывность процесса секуляризации и модернизации массового сознания не позволила сформироваться рационалистической модели мышления, сложившейся в Западной Европе в результате Реформации и последовавших за ней событий. Исследование социальных процессов в России невозможно без учета глубинных религиозных пластов отечественного менталитета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/14.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 62-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.422

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о влиянии религиозного фактора на процесс социальных преобразований в России. Обосновывается тезис о том, что прерывность процесса секуляризации и модернизации массового сознания не позволила сформироваться рационалистической модели мышления, сложившейся в Западной Европе в результате Реформации и последовавших за ней событий. Исследование социальных процессов в России невозможно без учета глубинных религиозных пластов отечественного менталитета.

Ключевые слова и фразы: социальная трансформация; реформы; религия; массовое сознание; секуляризация; рационализация.

Глазунов Николай Геннадьевич, к. филос. н., доцент
Московский институт лингвистики
nickglazunov@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Россия имеет богатую историю масштабных социально-политических и экономических преобразований, которые затрагивали порой глубинные пласты жизненного уклада различных групп населения, безотносительно к их имущественному и социальному положению.

Мы можем насчитать как минимум четыре масштабных социально-экономических переворота, которые явились радикальным сломом сложившихся на определенный исторический период общественных отношений.

Во-первых, это реформы Петра I, которые были первым жизнеспособным опытом вестернизации в России и получили *структурное* оформление в виде новых государственных институтов, что обеспечило их устойчивое функционирование вплоть до краха империи.

Во-вторых, реформы императора Александра II. Отмена крепостного права явилась, пожалуй, одним из поворотных моментов в истории России, ибо крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения страны, приобрело не только права, которых было лишено до этого, но в течение всего лишь нескольких десятилетий изменило не только основы экономического уклада, но и превратилось в силу, стремительно набирающую политический вес.

В-третьих, революция 1917 г. явилась беспримерным по своим масштабам социально-экономическим и политическим экспериментом, в результате которого не просто утратили политическую и экономическую власть, но и были уничтожены целые социальные группы (дворянство, купечество, казачество). Состоялся невиданный в отечественной истории опыт как социальной дифференциации на новых принципах, так и социальной мобильности, и этот процесс затронул *абсолютно* все социальные слои.

В-четвертых, крах Советского Союза, который привел к слому сложившейся социально-экономической системы, а также социальной дифференциации и социальной мобильности, сопоставимых по масштабам с революционными событиями начала XX века.

Все вышеописанные события имели не только структурный уровень развертывания (трансформация, а порой и полное разрушение общественных институтов), но и уровень массового сознания. Изменение социально-экономических структур и институтов находится в диалектической взаимосвязи с изменениями базовых установок массового сознания, таких как цели, ценности, мотивы социальной деятельности как конкретного субъекта, так и общества в целом.

Ни одни масштабные социальные преобразования в России не могут быть поняты без анализа процесса модернизации массового сознания и учета специфики протекания данного процесса.

Специфика процесса модернизации массового сознания в России зависела и в значительной мере продолжает зависеть от мощного влияния религиозного фактора. Это объясняется целым рядом причин, связанных, в первую очередь, с историей развития России. Исключительная ориентация Руси на Константинополь как центр православия и фактическая изолированность от внешнего мира как результат монгольского ига – всё это создало уникальные условия для гомогенности духовной сферы, где религия занимала доминирующее положение. Отсутствие влиятельных идейных оппонентов и культурных феноменов, сопоставимых по глубине воздействия на общество с европейскими эпохами Возрождения и Реформации, обеспечило православию более продолжительное, чем в Европе, мировоззренческое влияние религии. В силу этого процесс секуляризации сознания в России можно ориентировочно датировать XVIII веком, в то время как в Европе данный процесс имел уже как минимум двухвековую историю. Этим объясняется столь продолжительное и существенное влияние религии на массовое сознание вплоть до XX в. Без учета данного фактора невозможно понять не только процесс модернизации массового сознания как необходимого условия общественных преобразований, но во многом и вектор развития России в минувшее столетие.

Мы можем обоснованно утверждать, что религиозный компонент в структуре отечественного массового сознания был в начале XX в. ещё необыкновенно влиятелен, хотя религиозность временами принимала облик псевдосекулярных и псевдорационалистических теорий. Религиозность как глубинное основание установок массового сознания оказывала мощнейшее влияние на все социально-политические процессы, которые протекали в стране.

Религиозное сознание неизменно стремится к целостности, глубокой интегрированности своих элементов. Длительное время в России «управляющим принципом была Православная Вера, понимаемая как органическое соединение религиозных догматов и обрядов с особой православной культурой, *частным (выделено нами – Н. Г.)* проявлением которой был и государственный строй с его иерархической лестницей; и именно этот высший принцип, одинаковый как для каждого подданного, так и для самого царя... спаял Русь в одно целое и управлял ею» [6, с. 78]. Фактор универсализма, который, по единогласному мнению многих социальных мыслителей XX в. – М. Вебера, Э. Трёльча, У. Матца, – является важнейшим признаком *досовременных* обществ, здесь очевиден.

Россия, не имевшая опыта, схожего с европейской Реформацией, приобщалась к секулярной традиции в условиях начавшегося кризиса традиционной идеологии. Выработка рационалистического мировоззрения, начавшаяся в XVIII в. и проходившая при решающем идейном влиянии Западной Европы, осуществлялась лишь *внешне*. Глубинная *религиозная* основа миропонимания, которая постепенно, в течение столетий, преодолевалась в Европе, в России осталась *практически неизменной*. Этот феномен – религиозное восприятие рационалистических идей – предопределил понимание *всех* проблем бытия как проблем религиозных, хотя и рассматриваемых с философских, а порой атеистических, позиций.

Своеобразным «маркером», свидетельствующим о зависимости индивидуального и массового сознания от религиозного компонента, является непереносимое стремление на практике воплотить мир «должного» в мире «сущего», и желательное максимально полно, не обращая внимания на неподатливость «эмпирии».

Со времён киевского митрополита Илариона (XI в.), автора первой отечественной историософской концепции, излюбленной мечтой русских мыслителей было созидание общественной системы, «осознанно воплощающей в социальном устройстве высшие законы мироздания» [3, с. 51]. В силу этого даже различные модификации социалистических и коммунистических учений были в России трансформацией идеи Царства Божия на земле. Даже будучи принципиально атеистичным, социализм имел в России религиозный характер. Поэтому любая практикоориентированная социальная теория, претендующая на проведение общественных преобразований, непременно должна учитывать религиозный аспект проблемы, ибо восприятие *любой* теории, равно как и её воплощение на практике, будет нести в себе притязания на общезначимость и универсальность.

Отечественный культуролог И. Г. Яковенко, говоря о соотношении «сущего» и «должного» для сознания, сохранившего зависимость от религиозного мировосприятия, отмечает, что «должное предшествует реальности, игнорирует ее, занимает сознательную позицию, согласно которой природа должного имеет своим источником высшую сакральную инстанцию и не соотносима с реальным бытием...» [7, с. 18]. Подобное «членение» мира на «истинное» и «неистинное» бытие может опираться на вещи, на первый взгляд, нерелигиозного плана. Однако дело здесь не в конкретных «объектах» приложения мысли, а в методологии. Например, марксизм, несмотря на свою бесспорную научную составляющую, в конечном итоге также пришел к членению истории человечества на неподлинное «вчера» и «сегодня» (читай: от рабовладельческой формации до капиталистической) и подлинное «завтра» – светлое коммунистическое будущее.

Всё вышеизложенное, несмотря на то, что мы опираемся преимущественно на факты, характеризующие отечественную пред- и пореволюционную социально-политическую теорию и историю, сохранило существенное влияние вплоть до конца XX в., ибо отечественные теоретики и практики по-прежнему ищут *универсальные* решения социально-политических и экономических проблем, изменяя лишь объект своих устремлений.

В процессе становления секулярно-рационалистической модели мышления подобную стадию в своем духовном и интеллектуальном развитии проходили, пожалуй, все общества, так что опыт России в данном вопросе вовсе не уникален. Известный итальянский социолог В. Парето, изучая психологию религиозного и атеистического восприятия действительности, пришёл к выводу, что они имеют тождественную основу. «Церковные процессии, – писал Парето, – пали, но зато возросли corteжи, манифестации, демонстрации. Энтузиазм христианской религии заменился энтузиазмом “социализма”, “гуманитаризма”, “патриотизма”, “национализма”, религией Dio-Popolo и т.д.» [Цит. по: 5, с. 258]. Эти строки, написанные ещё в конце XIX в., свидетельствуют не только о тождественности религиозной и атеистической психологии, но и о зависимости научных концепций, чаще всего выстроенных последовательно атеистично, от религиозного восприятия мира (например, теория социализма, считавшаяся на протяжении практически всего XX в. научной).

В контексте подобного рассмотрения проблемы становится очевидна зависимость сознания русской интеллигенции, а именно она была самой социально-политически активной силой дореволюционной России, от религиозного мировосприятия, которое было спроецировано на *реальные* социально-экономические процессы. Пожалуй, именно благодаря этому глубинному родству марксистской теории и религиозного мировоззрения марксизм получил столь серьёзную поддержку в российском обществе. Восприятие научной составляющей марксизма свелось к инструментальному заимствованию понятий, в то время как решающее значение имело именно *сущностное* родство двух мировоззрений, претендующих на универсальность. Модернизация массового сознания российского общества в конце XIX – начале XX в. сопровождалась усвоением достаточно разноплановых социально-экономических и политических идей (от либерализма и анархизма до марксизма). В конечном итоге доминирующей в социальной практике стала теория, чей ориентационно-мотивационный потенциал был выше, а это и был марксизм, чья устремленность к трансцендентному Должному, «светлому завтра» смыкалась с традиционными религиозными представлениями российского общества. Только марксизм и его проводник на русской почве большевизм обладали подобным потенциалом. Следующий шаг в данном случае был закономерен – попытаться на практике создать Царство Божие на земле.

Научные теории, как результат «просветительского разума», воспринимались в России с воодушевлением прозелитов, чему отечественная история знает множество подтверждений (всеобщее увлечение естественными науками в XIX в. и т.п.). Восторженное отношение к новым научным открытиям свидетельствует о глубинном религиозном компоненте, который продолжал оказывать значительное влияние на отечественный стиль мышления вообще. Как видим, религиозное восприятие действительности не было преодолено; был изменен лишь объект приложения религиозного чувства. Отношение к научным теориям было тотально нерасчлененным, что опять-таки указывает на религиозные корни данного явления. Ослабление веры в традиционные религиозные ценности способствовало ориентации на науку, теорию прогресса и т.п. Столь своеобразный синтез научных (преимущественно естественно-научных) теорий, с одной стороны, и глубинных религиозных пластов отечественного массового сознания, с другой стороны, спровоцировал появление чрезвычайно своеобразного восприятия социальных проблем. Они рассматривались преимущественно с религиозно-нравственной точки зрения, что является закономерным следствием универсалистского характера российского мировоззрения на стадии перехода к собственно секулярным традициям и методам мышления.

Следовательно, революционная идеология русской интеллигенции была не чем иным, как *секуляризированной теологией*. Идеи справедливости, воздаяния за страдания, надежда на лучшее будущее всегда являлись составной частью религиозного мировоззрения. Главное отличие от классических религиозных систем здесь заключалось в том, что реализоваться эти идеи должны были не в загробном мире, а на земле, *при активном участии людей*.

Исследователь отечественной ментальности Л. П. Карсавин, анализируя кризис религиозного мировоззрения, охвативший российское общество во второй половине XIX – начале XX века, достаточно точно описал возможные варианты осознания этого кризиса и возможные варианты его преодоления. «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному. Оно одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, а именно у нас на Руси не равнодушного, а воинствующего, не скептического, а религиозного и даже фанатического. “Постепеновцем” он быть не хочет и не умеет, мечтая о внезапном перевороте. Докажите ему отсутствие абсолютного (только помните, что само отрицание абсолютного он умеет сделать абсолютным, догмой веры) или неосуществимости, даже отдаленности его идеала, и он сразу утратит всякую охоту жить и действовать» [Цит. по: 2, с. 95-96]. В данном случае религиозная основа даже нигилизма, отмеченная Карсавиным, совершенно очевидна. Глубинные религиозные пласты отечественного менталитета, слабо затронутые процессом секуляризации, позволяли абсолютизировать даже отрицание абсолютного.

Обязательным признаком религиозного сознания является не только стремление разграничить «свое» мировоззрение и мировоззрение «другое», «чужое» (это процесс неизбежный и в науке), но и неременная *борьба* с «еретическими» учениями. Идеиная конкуренция различных научных и социально-политических направлений в конечном итоге трансформировалась в России в противостояние социальных групп, придерживающихся той или иной теории. Именно поэтому представители фактически всего отечественного политического спектра – от крайних радикалов (В. И. Ленин и большевики) до умеренных либералов (октябристы, кадеты) – воспринимали друг друга не как идейных оппонентов, с одними идеями которых можно не соглашаться, а какими-то идеями, наоборот, можно углубить и расширить своё понимание проблем. Подобное идейное противостояние, конструктивное в своей основе, было неприемлемо для отечественных социальных теоретиков и практиков. Представитель каждого из противоборствующих идейных течений видел в оппоненте непременно еретика, отступившего от Истины, явленной именно в том учении, адептом которого он являлся. Эта уверенность в обладании абсолютной истиной не только свидетельствует о мощном влиянии религиозного фактора на стиль мышления и на восприятие действительности. Беспрецедентный во всемирной истории радикализм русской революции 1917 г. есть следствие не только глубоких социально-экономических и политических противоречий, но именно столкновение идейных систем, претендующих на статус *Абсолютной Истины*, чьи последователи не допускали даже мысли о возможной неистинности своих взглядов и истинности взглядов оппонентов. Таким образом, религиозный фактор, который оказывал мощное влияние на массовое сознание российского общества, сыграл колоссальную роль в истории общества, которое мыслило теорию и практику как неразрывное целое, подлежащее воплощению *неременно* во всей полноте.

Многовековая традиция доминирования в российском массовом сознании религиозного (православного) компонента, который не имел влиятельных идейных оппонентов, способствовала формированию дихотомичного мышления русской революционной интеллигенции. Мировоззрение, опиравшееся на статичные категории «ересь» или «правовереие», было формой христианской ереси, ибо основные характеристики религиозного мировосприятия (примат в учении одной идеи – народного блага, аскетизм, готовность к жертвам, мессианско-эсхатологически окрашенные проекты социального устройства) остались *неизменными*.

Неукоренённость секулярной традиции в российском массовом сознании, чисто внешний характер усвоения рационалистической традиции настоятельно требовали некоего Абсолюта. «Именно русской душе свойственно переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы, на относительную и частную сферу науки или социальной жизни», – отмечал Н. А. Бердяев [1, с. 19]. Российские мыслители всегда стремились к целостному мировоззрению и делали это всегда, с одной стороны, последовательно, а с другой – радикально.

Парадоксальность отечественной социально-философской мысли заключается в том, что, будучи глубоко связаны с православием и устремляясь к целям, по сути, *хилиастическим*, методы практической реализации своих идей российские теоретики и практики заимствовали из западноевропейской секулярно-рационалистической философско-политической культуры.

Синтезирование хилиастических мотивов с западноевропейской философией, при попытке практической реализации подобного «синтеза», влекло за собою серьёзные *социальные* последствия. Приобщение российского общества к идейному наследию Европы происходило на уровне *инструментального* восприятия западных идей и ценностей. Оперирование новыми теориями происходило на фоне *только начавшегося* процесса секуляризации сознания. В условиях проводившейся правительством в начале XX в. социально-политической модернизации страны было неизбежно столкновение двух общественных тенденций – традиционной и инновационной.

Принципиальная важность для российского общества в целом и для конкретного субъекта в частности внешних регуляторов деятельности (приверженность какой-либо идеологической доктрине, принадлежность к политической партии и т.п.), которые способствовали ориентации субъекта в социально-политическом пространстве, подтверждает незавершенность в России XIX – начала XX в. процесса секуляризации сознания. Чем более индивид и общество в целом *рационально* осознают категорию «Я», тем более трудно ими манипулировать. Осознание самоценности личности предполагает определённую степень автономности и самодостаточности субъекта. Уровень индивидуальной культуры позволяет субъекту, самостоятельно и критично оценивая жизненные ситуации, соотносить свои ценности и поступки с принятыми в обществе поведенческими нормами, не растворяя в них своё «Я». Слабая отрефлексированность категории «Я» в российском обществе была связана, с одной стороны, с общинной психологией, а с другой – с православной традицией стремления к универсальному знанию.

Учитывая эти обстоятельства, можно объяснить поразительную популярность марксизма в России, который оказался последним из монополярных мировоззрений, покоривших умы отечественных интеллектуалов в конце XIX века. Марксизм привнёс в среду, где процесс секуляризации сознания не был завершён, *трансцендентные* цели, *научно* их обосновав. «Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь», – считал Н. А. Бердяев [Там же, с. 115].

В России попытки социально-политической модернизации предпринимались неоднократно. Подобная модернизация неизменно сопровождалась активизацией процесса секуляризации массового сознания. Динамика данного процесса подчинялась коллизиям внутригосударственной политики. Новые социальные слои, затронутые данным процессом, воспринимали происходящие изменения как крушение основ своего (точнее – традиционного) мировоззрения. Однако подобный сценарий протекания процессов секуляризации и рационализации мышления содержал в себе существенную социальную опасность. Их «волнообразное» течение, то допускавшееся властью до определенных идей, то жёстко от них отсекавшееся, провоцировало *прерывность* процессов секуляризации и рационализации мышления. Так, относительно либеральное правление Александра I сменилось жёстким авторитаризмом царствования Николая I. Частичные либеральные реформы в системе государственного управления, демонстративное вольнодумство, популярное вольтерьянство, всеобщая увлеченность проектами общественных преобразований в духе философии Просвещения сменились чёткой ориентацией на традиционализм во всех сферах социально-политической жизни, отказом от каких-либо общественных преобразований, усилением клерикализма. Подобная ситуация повторялась в истории России неоднократно. Масштабные реформы Александра II сменились контрреформами Александра III, ленинская новая экономическая политика – сталинской коллективизацией и индустриализацией, а непродуманные экономические реформы Н. С. Хрущёва – снижением темпов экономического развития при Л. И. Брежнев и т.д.

Все вышеперечисленные преобразования в социальной, экономической, политической сферах неизбежно сопровождалось изменениями в установках массового сознания – в динамике идей, целей, ценностей, мотивов социального действия. Возможные различия свидетельствуют, пожалуй, лишь о большей или меньшей масштабности и глубине протекавших процессов. Например, очевидно, что динамика идей и ценностей, порожденная революцией 1917 г., имела многократно больший масштаб, чем схожие процессы, имевшие место в эпоху реформ Александра II.

В условиях скачкообразно протекающего процесса секуляризации, когда новейшие научные теории воспринимаются лишь *внешне*, при сохранении религиозности в качестве *фундаментального* компонента сознания, каждая новая теория рассматривается как решение *всех* социально-политических и экономических проблем. На абстрактно-теоретические построения в данном случае проецировалось желание иметь некий Абсолют, который по определению обладает свойствами универсальности.

Таким образом, принципиальное отличие российского менталитета, например, от западноевропейского заключается в специфике протекания процессов секуляризации и рационализации мышления. «Постепенная» секуляризация в Европе способствовала органической интеграции инновационных социальных теорий и институтов в *уже существующую* социальную систему. Прерывная секуляризация в России не позволяла сформироваться секуляризованному и последовательно рационалистическому стилю мышления, что провоцировало религиозное восприятие научных доктрин и стремление к их тотальному воплощению на практике. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в мировоззрении русских интеллигентов: «Хотя интеллигенция утратила всякую связь с православной церковью, мышление интеллигентов не смогло освободиться от определённой религиозной окраски» [4, с. 9].

Данная характеристика справедлива не только при анализе установок массового сознания российского общества XIX – начала XX в., но и при анализе современной ситуации. Любые значимые социальные преобразования, не говоря о преобразованиях широкомасштабных, должны осуществляться в России с учетом глубинного религиозного пласта российского менталитета.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92-102.
3. Кортунов С. В. Судьба русского коммунизма // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 48-64.
4. Люкс Л. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 3-15.
5. Сорокин П. А. Система социологии. М.: Наука, 1993. Т. 1. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. 447 с.
6. Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Русская идея: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 67-83.
7. Яковенко И. Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 1999. 23 с.

**SOCIAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA
AND SPECIFICS OF MASS CONSCIOUSNESS MODERNIZATION**

Glazunov Nikolai Gennad'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Moscow Institute of Linguistics
nickglazunov@mail.ru

The article analyzes the influence of religious factor on the process of social transformations in Russia. The author justifies the thesis that the discontinuity of the process of the secularization and modernization of mass consciousness did not allow developing the rationalistic model of thinking that was adopted in Western Europe as a result of the Reformation and the subsequent events. The study of social processes in Russia is impossible regardless of the deeper religious strata of national mentality.

Key words and phrases: social transformation; reforms; religion; mass consciousness; secularization; rationalization.

УДК 63.3

Исторические науки и археология

Автор статьи рассматривает взгляды по крестьянскому вопросу великого русского поэта А. С. Пушкина, проводит текстологический анализ ряда его произведений, связанных с данной тематикой, таких как «Деревня» и «Путешествие из Москвы в Петербург», определяя направление эволюции социально-политических взглядов поэта от весьма радикальных в сторону умеренного консерватизма и постепенных преобразований в данной сфере.

Ключевые слова и фразы: крепостное право; освобождение крестьян; консерватизм; либерализм; просвещение.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
Adonli@mail.ru

А. С. ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ

Писать об А. С. Пушкине нелегко. В России на это имеют право лишь люди, являющиеся его верными адептами, к каковым мы себя относим. Пушкиниана насчитывает многие сотни работ. Тем не менее остаются серьезные лакуны, касающиеся, прежде всего, его социально-экономических и политических воззрений. Среди них важнейшее место занимает крестьянский вопрос или вопрос об экономическом и правовом положении владельческого крестьянства. Материала для характеристики пушкинских взглядов по данной проблематике достаточно. Это и его стихотворные, и прозаические произведения, записки, исторические труды, переписка, а также мемуары современников. Несмотря на значительный объем источников, немногие историки брались за изучение данной проблематики, в особенности потому, что существует до сих пор негласное табу на такие темы: а каким помещиком был Пушкин, почему он не освободил своих крестьян. Практически никто, за исключением В. И. Семецкого, на эту тему так не писал [13].

Отношение Пушкина к крепостному праву никогда не было положительным, хотя он и не отказался от своих помещичьих привилегий. Не последним моментом здесь были и его постоянные долги, бесшабашная неэкономность, привычка к роскоши («бояр старинных я потомок...»). Налицо его привязанность к своей собственности («Брожу над озером моим...»), к Болдино, Михайловскому. Мысль о том, что эти имения нужно было отдать крестьянам, работавшим и жившим там, видимо, не приходила ему в голову. Он был здесь в рамках системы, ничем не отличаясь от «типичных представителей» дворянства. Вместе с тем, и это тоже стало типичным явлением, по крайней мере для определенного круга просвещенного дворянства, «стыд» за существование крепостного права (появившийся в России примерно в начале XIX в. не без влияния Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, журнального сентиментализма и др.) у него уже имел место. «Хамобесие» (термин Н. И. Тургенева, придуманный